

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ

№ 1 (29) • 2019

**Запрет дискриминации: анализ подходов
Европейского Суда по правам человека**

**Амнистии в международном праве:
между безнаказанностью и подотчетностью**

**Комитет по ликвидации всех форм дискриминации
в отношении женщин: борьба с домашним насилием**

Международное правосудие: а судьи кто?

**Права человека и «азиатские ценности»:
взаимоисключение или взаимопроникновение?**

Суд Евразийского экономического союза: итоги 2018 года

**Международный инвестиционный арбитраж:
почему иногда Давид побеждает Голиафа?**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ

№1 (29) • 2019

Учредитель и издатель
Институт права и публичной политики
<http://www.ilpp.ru>

Редакционный совет

А. И. КОВЛЕР, д.ю.н., профессор
(председатель)
Б. БАУРИНГ, профессор
Л. ГАРЛИЦКИЙ, Ph.D. in Law, профессор
Т. Н. НЕШАТАЕВА, д.ю.н., профессор
А. НУССБЕРГЕР, Dr.jur.habil., профессор
А. Я. КАПУСТИН, д.ю.н., профессор
Р. А. КОЛОДКИН, к.ю.н.
С. М. ПУНЖИН, к.ю.н.
А. УШАЦКА, д.ю.н., профессор
М. Л. ЭНТИН, д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия

Г. И. БОГУШ, к.ю.н., доцент
Д. В. КРАСИКОВ, к.ю.н., MJur, доцент
В. О. НЕШАТАЕВА, к.ю.н.
И. В. РАЧКОВ, LL.M., к.ю.н.
В. Н. РУСИНОВА, LL.M., д.ю.н.
В. В. СТАРЖЕНЕЦКИЙ, к.ю.н.
М. П. ТРУНК-ФЕДОРОВА, LL.M., к.ю.н.
М. А. ФИЛАТОВА, к.ю.н.
О. С. ЧЕРНЫШОВА, LL.M., к.ю.н.

Выпускающий редактор

О. Б. СИДОРОВИЧ, MBA (in P.S.)

Ответственный секретарь

А. В. КРЕЦУЛ

Редакторы

О. Б. СИДОРОВИЧ
М. В. ЖУРАВЛЕВА
Г. НОЙМАН (англ.)

Корректор

Т. Ю. ЛОБКОВА
М. В. СИДОРОВИЧ

Компьютерная вёрстка

В. Б. СИДОРОВИЧ

COUNCIL OF EUROPE

CONSEIL DE L'EUROPE

Журнал издаётся при финансовой поддержке Совета Европы. Ответственность за содержание журнала несёт исключительно Издатель, и оно ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться как отражающее позицию Совета Европы

Финансовая поддержка
предоставлена также

Решением ВАК журнал включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук».

Журнал входит в базу журналов Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, а также в базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Свидетельство о регистрации ПИ №Ф0С77-62149 от 19 июня 2015 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 500 экз. Периодичность — 4 номера в год.
ISSN 2226-2059. Цена свободная.

Подписано в печать 28 марта 2019 года.

Адрес редакции: 129090 Москва, ул. Щепкина, д. 8.

Для корреспонденции: 129090 Москва, а/я 140.

Тел.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35. Факс: +7 (495) 608-69-15.

Отпечатано: ООО «Буки Веди»

115093, г. Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58, стр. 3, пом. 11

Позиции авторов статей могут не совпадать с мнением редакции.

При цитировании материалов ссылка на журнал и правообладателя обязательна.

Перепечатка разрешена только с письменного согласия правообладателя.

© Институт права и публичной политики, 2019

PRAXIS

RES JUDICATA

ОБЗОР ПРАКТИКИ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В 2018 ГОДУ

3

Кирилл Энтин, Екатерина Дьяченко

SCRIPTORIUM

JUSTITIA

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУДЬЯ: НИЧЕГО ЛИЧНОГО

23

Татьяна Нешатаева

JUS HONINUM

ЗАПРЕТ ДИСКРИМИНАЦИИ: ПРАКТИЧЕСКИЙ ОБЗОР
ПОДХОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

43

Дмитрий Бартенеv

РАЗВИТИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОЗИТИВНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
ГОСУДАРСТВА ПО БОРЬБЕ С ДОМАШНИМ НАСИЛИЕМ
В ПРАКТИКЕ КОМИТЕТА ПО ЛИКВИДАЦИИ ВСЕХ ФОРМ
ДИСКРИМИНАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

67

Мари Давтян

«АЗИАТСКИЕ ЦЕННОСТИ» И ИХ РОЛЬ
В СТАНОВЛЕНИИ СУБРЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В АЗИИ

81

Тигран Оганесян

JUS COMMUNE

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
ИНВЕСТИЦИОННОГО АРБИТРАЖА:
ВОПРОСЫ ПО СУЩЕСТВУ СПОРОВ

93

Илья Рачков

JUS IN BELLO

АМНИСТИИ В МЕХАНИЗМЕ ПЕРЕХОДНОГО ПРАВОСУДИЯ

118

Андрей Антонов, Александр Евсеев

OPINIO JURIS

РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА
В АРГЕНТИНЕ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

134

Наталья Ерпылева, Ирина Гетьман-Павлова

INTERNATIONAL JUSTICE

1 (29) • 2019

Founder and Publisher

Institute for Law and Public Policy
http://www.ilpp.ru

Scientific Advisory Board

A. KOVLER, Dr. of Sc. in Law, Professor (Chairman)
B. BOWRING, Professor
L. GARLICKI, Ph.D. in Law, Professor
A. KAPUSTIN, Dr. of Sc. in Law, Professor
R. KOLODKIN, Ph.D. in Law
T. NESHATAEVA, Dr. of Sc. in Law, Professor
A. NUSSBERGER, Dr.jur.habil., Professor
S. PUNZHIN, Ph.D. in Law
A. USHACKA, Dr. of Sc. in Law, Professor
M. ENTIN, Dr. of Sc. in Law, Professor

Board of Editors

G. BOGUSH, Ph.D. in Law, Associate Professor
O. CHERNISHOVA, LL.M., Ph.D. in Law
M. FILATOVA, Ph.D. in Law
D. KRASHKOV, Ph.D. in Law, M.Jur, Associate Professor
V. NESHATAEVA, Ph.D. in Law
I. RACHKOV, LL.M., Ph.D. in Law
V. RUSINOVA, LL.M., Dr. of Sc. in Law
V. STARZHNETSKY, Ph.D. in Law
M. TRUNK-FEDOROVA, LL.M., Ph.D. in Law

Managing Editor

O. SIDOROVICH, MBA (in P.S.)

Editorial Secretary

A. KRETSUL

Editors

O. SIDOROVICH
M. ZHURAVLEVA
G. NEWMAN (Eng.)

COUNCIL OF EUROPE

CONSEIL DE L'EUROPE

This document has been produced with the financial assistance of the Council of Europe. The views expressed herein can in no way be taken to reflect the official opinion of the Council of Europe.

Published under the sponsorship of the

ISSN 2226-2059; e-ISSN 2541-8548

Address: 8, Shchepkin Str., Moscow, 129090, Russian Federation
Mailing Address: P. O. Box 140, Moscow, 129090, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35
Fax: +7 (495) 608-69-15
E-mail: ilpp-ijj@mail.ru
http://www.ilpp.ru/journal/ijj/

© Institute for Law and Public Policy, 2019

PRAXIS

RES JUDICATA

- AN OVERVIEW OF THE CASE-LAW OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION COURT IN 2018 **3**
Kirill Entin, Ekaterina Diyachenko

SCRIPTORIUM

JUSTICIA

- THE INTERNATIONAL JUDGE: NOTHING PERSONAL **23**
Tatyana Neshataeva

JUS HOMINUM

- PROHIBITION OF DISCRIMINATION: A PRACTICAL REVIEW OF THE APPROACHES OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS **43**
Dmitri Bartenev

- DEVELOPMENT OF THE CONTENT OF THE POSITIVE OBLIGATIONS OF THE STATE TO COMBAT DOMESTIC VIOLENCE IN THE PRACTICE OF THE COMMITTEE ON THE ELIMINATION OF ALL FORMS OF DISCRIMINATION AGAINST WOMEN **67**
Marie Davtyan

- "ASIAN VALUES" AND THEIR ROLE IN THE DEVELOPMENT OF THE SUB-REGIONAL HUMAN RIGHTS PROTECTION SYSTEM IN ASIA **81**

Tigran Oganessian

JUS COMMUNE

- TRENDS IN RECENT DEVELOPMENTS IN INTERNATIONAL INVESTMENT ARBITRATION: SUBSTANTIVE ISSUES **93**
Rachkov Iliia

JUS IN BELLO

- AMNESTIES IN THE MECHANISM OF TRANSITIONAL JUSTICE **118**
Andrey Antonov, Oleksandr Yevsieiev

OPINIO JURIS

- REGULATION OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL CIVIL PROCEDURE IN ARGENTINA (GENERAL CHARACTERISTIC AND PROCEDURAL ASPECT) **134**
Natalia Erpyleva, Irina Getman-Pavlova

Амнистии в механизме переходного правосудия

Андрей Антонов, Александр Евсеев*

В статье предпринята попытка, базируясь на анализе примеров и предшествующих исследований, целостно осмыслить амнистии как средство достижения национального примирения после внутренних конфликтов (гражданские войны, перевороты и т. д.), их положительные и отрицательные стороны в плане воздействия на постконфликтное общество и государство и на основе этого предложить общетеоретические подходы к решению концептуальных проблем, связанных с соответствием таких амнистий требованиям международного права. Проводится отличие данного вида амнистий от помилований и общеуголовных амнистий. Классифицируются различные виды амнистий в зависимости от разнообразных критериев, в том числе во времени, пространстве и по кругу лиц. Делается попытка вывести универсальные принципы, которым должны соответствовать амнистии независимо от региональной специфики. Освещаются некоторые проблемные моменты, связанные с принятием решения о проведении амнистии и её последствиями на внутреннем и международном уровнях. Отдельное внимание уделяется возможности амнистирования лиц, причастных к совершению военных преступлений и иных преступлений, нарушающих нормы международного права. Также рассмотрены вопросы обязательности или необязательности признания национальных амнистий другими субъектами международного права. Приводится обзор знаковых решений международных правозащитных судебных органов, связанных с различными аспектами амнистий. Поддаются детальному анализу амнистии, проведённые в странах испанского языка в период так называемой «третьей волны» демократизации. В связи с этим подвергается критике концепт «самоамнистий», распространённый в странах Латинской Америки при переходе к демократическому правлению, как противоречащий самому предназначению данного института. Вместе с тем акцентируется внимание на крайне настороженном отношении, которое испытывают региональные механизмы защиты прав человека при оценке правомерности амнистий, проведённых в последние годы едва ли не по всему миру. Авторы приходят к выводу о том, что, будучи тесно связанными с понятием справедливости, амнистии не могут не вызывать противоречивых чувств. Необходимым для успешных амнистий представляется нахождение оптимального в конкретном контексте баланса между государственными интересами и интересами жертв преступлений.

→ *Переходное правосудие; амнистии; помилование; постконфликтное урегулирование; военные преступления; национальное примирение; безнаказанность; подотчётность*

DOI: 10.21128/2226-2059-2019-1-118-133

«Ключ к успеху переходного периода после апартеида был не в “амнистии в обмен на правду”, а в амнистии в обмен на желание реформ»¹.

1. Введение

Принцип подотчётности (англ.: accountability) или неотвратимости ответственности неиз-

менно признаётся в качестве незаменимой составляющей достижения примирения и устойчивого мира. После завершения конфликтов все государства сталкиваются с процессом принятия решения о том, «хоронить» ли своё прошлое, тем самым стимулируя преступни-

* Антонов Андрей Николаевич – кандидат юридических наук, начальник дисциплинарного отдела Миссии ООН в Косово, Приштина, Республика Сербия (e-mail: deuce75rus@mail.ru). Евсеев Александр Петрович – кандидат юридических наук, доцент департамента дисциплин публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (e-mail: apevseyev@gmail.com).

¹ Mamdany M. Beyond Nuremberg: Learning from the Post-Apartheid Transition in South Africa. Makerere Institute of Social Research, Policy Brief. 2015. No. 1. P. 4. URL: <https://idl-bnc-idrc.dspacedirect.org/bitstream/handle/10625/55811/IDL-55811.pdf?sequence=1> (дата обращения: 24.09.2018).

ков к началу новой, мирной жизни, или настаивать на наказании виновных в совершении преступлений, рискуя продолжением или повторением конфликта. Действительно, порой устойчивый мир, с одной стороны, и достижение справедливости по отношению к преступникам и жертвам преступлений, с другой стороны, представляются не совсем совместимыми целями.

Одна из причин такой ситуации в том, что переговоры о примирении и послевоенном урегулировании вообще могут не иметь смысла, если они будут проводиться без участия некоторых руководителей и полевых командиров (которые, возможно, сами причастны к совершённым в конфликтное время преступлениям, среди которых могут быть и военные преступления, и преступления против человечности), имеющих рычаги реального влияния на ситуацию. Вспомним, сколько раз мировое сообщество пыталось собрать (да и собирало вместе) представителей конфликтующих сторон в Сирии. Однако без участия представителей запрещённого террористического государства ИГИЛ и другой «непримиримой оппозиции» реальное движение к миру очень замедленно, и всё фактически решается силой оружия, в результате чего большую часть страданий несут гражданские лица.

В то же время нависающий над преступниками, знающими о своих правонарушениях, «дамоклов меч» возможного будущего судебного преследования как средства неотвратимости наказания может привести к prolongации конфликта, а значит, к ещё большему человеческим страданиям. В таких ситуациях нередко вспоминают об амнистии как одном из средств достижения примирения, которое в то же время полностью не противопоставляется и не отменяет подотчётности (ответственности за преступления)¹.

2. 0 понятия «амнистия»

Очевидно, что термин «амнистия» широко используется для описания целого ряда мер по решению самых разнообразных вопросов: от пробравшихся в страну нелегальных гастарбайтеров и других мигрантов до неупла-

ченных налогов и невозвращённых библиотечных книг. Однако данная работа касается только амнистий, которые вводятся в конкретных политических контекстах, включая перевороты, гражданские беспорядки, конфликты, мирные соглашения, смену режимов правления и тому подобные процессы и явления.

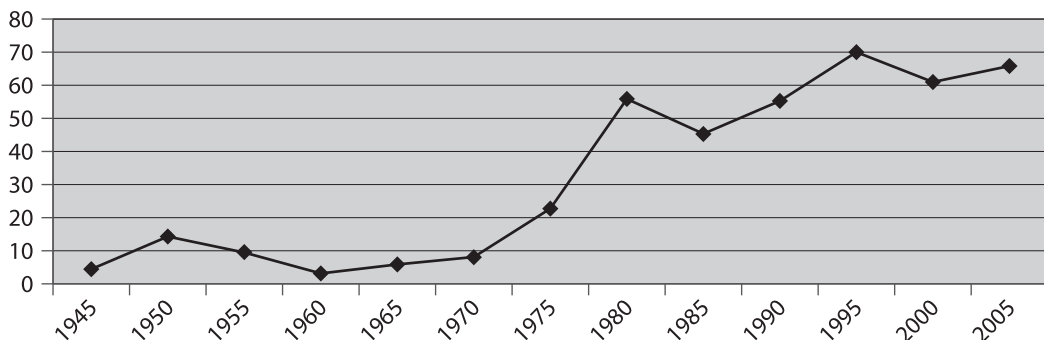
В докладе «Механизмы обеспечения верховенства права для постконфликтных государств», разработанном в недрах Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, под амнистией понимаются правовые меры, принимаемые с целью: а) запрещения в будущем уголовного преследования и в некоторых случаях подачу гражданского иска в отношении определённых лиц или категорий лиц в связи с указанным преступлением, совершённым до объявления амнистии; или б) имеющего обратную силу освобождения от ранее установленной уголовной ответственности². Из истории видно, что некоторые политические лидеры в конце «холодной войны» представляли использование амнистии одним из ключевых вспомогательных средств в процессе мирного урегулирования, говоря, что «отказ от судебного преследования — это разумная цена, которую необходимо заплатить за прекращение военных действий или смену авторитарного правительства»³. В других ситуациях страны решали идти по пути амнистии лиц, виновных в нарушениях прав человека. Как отмечают некоторые специалисты, «те или иные формы амнистии были использованы для ограничения преследования лиц, ответственных за грубые нарушения прав человека во всех масштабных событиях, связанных с политическими переменами в двадцатом веке»⁴ (выделение наше. — А. А., А. Е.).

¹ См.: O'Shea A. *Amnesty for Crime in International Law and Practice*. The Hague ; London ; New York : Kluwer Law International, 2002. P.2.

² См.: Механизмы обеспечения верховенства права для постконфликтных государств: Амнистии / Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Нью-Йорк ; Женева : ООН, 2009. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/Amnesties_ru.pdf (дата обращения: 22.02.2019).

³ *Kushleyko A. Accountability v. "Smart Amnesty" in the Transitional Post-Conflict Quest for Peace: A South African Case Study // Current Issues in Transitional Justice: Towards a More Holistic Approach / ed. by N. Szablewska, S.-D. Bachmann. Cham : Springer, 2015. P.31—54, 32.*

⁴ *Slye R. C. The Legitimacy of Amnesties Under International Law and General Principles of Anglo-American Law: Is a Legitimate Amnesty Possible? // Virginia Journal of International Law. Vol. 43. 2002. No. 1. P. 172—247, 173, 179.*

Рис. 1. Количество амнистий (источник – База данных по амнистиям)⁵.

Амнистии или другие формы отказа от отправления правосудия, порой вовсе представляемые как антитеза последнего, являются наиболее противоречивым среди инструментов миротворчества и миростроительства из имеющихся в арсенале правосудия переходного периода. Амнистии зачастую квалифицируют как нарушения обязательства уголовного преследования за преступления в соответствии с международным правом и вообще всех возможных прав жертв этих преступлений. Особенно остро этот вопрос ставится тогда, когда амнистии распространяются на высокопоставленных правонарушителей, причастных к совершению геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений. Несмотря на это, амнистии регулярно используются как некая альтернатива привлечению к ответственности в соответствии с национальным или международным правом⁶.

Видимо, нужно согласиться с тем, что это два параллельных набора мер, которые относятся к разным сферам постконфликтной деятельности. Вряд ли можно утверждать, что амнистия и привлечение к ответственности должны быть как-то сбалансированы, являясь такими императивами общей системы правосудия. И хотя сам процесс демократического перехода, несомненно, облегчается, непосредственные основы правосудия могут оказаться, как минимум, расшатанными таким его новым видением. Возможно, в таких

условиях следует скорее говорить о «политике», нежели о «праве» переходного периода. Этим будет просто и ясно показано, что посредством определённых мер, таких как амнистия, осуществляется попытка обеспечения какого-либо минимального уровня справедливости в делах, касающихся совершённых правонарушений, при создании в то же время необходимых условий для прекращения противостояния и дальнейшего продвижения мирного урегулирования.

Уже сам термин «амнистия», происходящий от греческого слова «ἀμνηστία – *amnesia*», означающего «забывчивость» или «забвение» (ср.: рус. амнезия [потеря памяти], англ.: *amnesia* [то же значение]), предопределяет частое ошибочное мнение о том, что предоставление амнистии от судебного преследования полностью эквивалентно уходу от неотвратимого наказания, равно как и от необходимости возмещения причинённого ущерба. Необходимо помнить о том, что существуют разные виды амнистий, которые дифференцируются на основе их характеристик, в частности критериев применимости (в том числе во времени, пространстве и по кругу лиц)⁷.

Кристиан Вольф, немецкий философ и адвокат XVIII века, определял амнистию как «полное и длящееся забвение ошибок и ранее совершённых преступлений»⁸. Некоторо-

⁵ См.: *Mallinder L.* Can Amnesties and International Justice be Reconciled? // *The International Journal of Transitional Justice*. Vol. 1. 2007. No. 2. P.208–230, 209.

⁶ См.: *Alvarez J.E.* Alternatives to International Criminal Justice // *The Oxford Companion to International Criminal Justice* / ed. by A. Cassese. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2009. P.25–40, 34.

⁷ См.: *Mallinder L.* Exploring the Practice of States in Introducing Amnesties. 2008. P.10–16. URL: http://uir.ulster.ac.uk/2265/1/Mallinder_-_Nuremberg_chapter_June_20081.pdf (дата обращения: 22.02.2019).

⁸ *Wolff C.* Jus gentium methodo scientifica pertractatum. 1764. P. 355. § 989. URL: <https://books.google.com/books?id=66NyK2b5XTQC&pg=PA355#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 22.02.2019).

рые современные авторы считают это определение устаревшим, так как, по их мнению, амнистии во многом получили противоположное значение, став «частью общих усилий по получению и сохранению правды для будущих поколений... [а] забвение как таковое перестало быть актуальным при восприятии роли амнистий»⁹. Кроме того, более ранние амнистии, среди прочего, были направлены на предотвращение попыток отомстить за совершённые поступки, но «этот элемент со временем исчез, а современные амнистии сосредоточились на правовых последствиях»¹⁰.

Понимание амнистии как средства достижения национального примирения после войн и внутренних конфликтов уходит своими корнями в седую старину. Так, амнистия была провозглашена Президентом США Э.Джонсоном после победы северян в Гражданской войне 1861—1865 годов, а обещана Президентом А.Линкольном и того раньше — в его послании к конгрессу от 8 декабря 1863 года. Согласно прокламации, амнистия распространялась практически на всех лиц, прямо или косвенно участвовавших в мятеже. Амнистированным южанам возвращались все права собственности, за исключением права на обладание рабами. Лицам, желавшим получить амнистию, предписывалось принять клятву верности Союзу и Конституции. Они должны были обещать также «подчиняться всем актам конгресса и прокламациям президента, изданным во время мятежа и касающимся рабства»¹¹. Упоминается амнистия и в статье II Вестфальского мирного договора 1648 года, гарантируя «вечное забвение, амнистию и помилование всем, кто что-либо совершил с началом этих бед...»¹² (имеется в виду Тридцатилетняя война).

По нашему мнению, классическое определение амнистии в достаточной мере отражает сущность амнистий, применяемых и сегодня. Конечно, можно его детализировать и далее подстраивать под текущие потребности, но это не основной спорный момент в этой области. Более актуальная проблема, имеющая

как юридические, так и политические последствия, заключается в том, насколько амнистии являются действительными и обязательными как внутри страны, так и на международном уровне: иными словами, являются ли они достаточной альтернативой подотчётности, помогая продвигать примирение, мир и стабильность? В целом, насколько принцип законности и неотвратимости наказания может сосуществовать с *realpolitik*?

Амнистии, как определено выше, отличаются от помилований (англ.: pardon), являющихся официальными актами, полностью или частично освобождающими осуждённых преступников от наказаний, вынесенных в их отношении, при этом не снимая и не погашая судимости (тем самым не подвергая сомнению изначально установленной виновности в преступлении). Известный правовой толковый словарь Блэка определяет амнистию как «помилование [pardons], предоставленное правительством для группы или категории лиц, как правило, за политические преступления; акт суверенной власти, официально прощающий определённые классы лиц, которые подлежат судебному разбирательству, но ещё не осуждены»¹³. По мнению Андреаса О'Ши, «политический контекст — это важнейший элемент в определении амнистии, поскольку именно он отличает их от помилований»¹⁴.

Действительно, в целом амнистии можно рассматривать как одну из форм помилования. Оба акта имеют одни и те же юридические последствия, и оба могут иметь место на любом этапе уголовного процесса¹⁵, хотя цель и происхождение различны: помилования исходят из «абсолютной власти государей», предусматривая «разумный механизм обхода судов»¹⁶, а амнистии происходят от «ранних попыток содействовать миру... и для обеспечения устойчивой победы на завоёванной территории»¹⁷.

Любопытно, что во всезнающей «Энциклопедии переходного правосудия» в понятие амнистии вкладывается двойной смысл: во-первых, восстановление определённой кате-

⁹ O'Shea A. Op. cit. P.4.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Кормилец А.А., Поршаков С.А. Кризис двухпартийной системы США накануне и в годы Гражданской войны (конец 1840-х — 1865 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 128.

¹² Вестфальский мир. URL: <http://interlaws.ru/vestfalskij-mir/> (дата обращения: 22.02.2019).

¹³ Blacks Law Dictionary / ed. by B.A.Garner. Abridged 7th ed. St. Paul, MN: West Group, 2000. P.66.

¹⁴ O'Shea A. Op. cit. P.2.

¹⁵ См.: Ibid.

¹⁶ Ibid. P.2—3.

¹⁷ Ibid. P.3.

гории лиц в прежних правах путём отмены решения об их виновности, вынесенного, как правило, в период существования недемократических режимов. В данном случае такое понимание амнистии в чём-то сходно с нашим понятием «реабилитация невинно осуждённых». А во-вторых, под амнистией подразумевается акт государственной власти, подписывающий официальное «забвение» одной или нескольких категорий нарушения закона и аннулирующий их последствия, освобождая от уголовной ответственности или наказания, что имело место, например, в Италии в 1946 году, Франции в 1951 году, Германии в 1949 и 1954 годах, Аргентине в 1984, 1986 и 1987 годах, Уругвае в 1986 году и, наконец, ЮАР в 1995–1996 годах¹⁸.

В российском законодательстве указания на политический подтекст амнистий, и в силу этого их отличия от помилования, усмотреть вряд ли получится. Согласно статье 84 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), амнистия объявляется Государственной Думой в отношении индивидуально не определённого круга лиц, а актом помилования, издаваемого Президентом, конкретное лицо, осуждённое за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания либо назначенное ему наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания (статья 85 УК РФ). Разница также в том, что помилование распространяется на освобождение от назначенного наказания, когда вина установлена, а в амнистиях судебного процесса, устанавливающего вину, может и не быть. Как разъясняется в одном из Постановлений Конституционного Суда РФ, амнистия выступает в качестве акта милости, предполагающего «полное или частичное освобождение определённых категорий лиц от уголовной ответственности и наказания, исходя не только из политической или экономической целесообразности, но, прежде всего, из веры в добро и справедливость, а также из социальной обусловленности такой гуманистической акции в демократическом правовом государстве»¹⁹.

Цель объявляемых в наше время амнистий остаётся той же, что и в древности: прекращение гражданских войн или переход от авторитарного к демократическому правлению²⁰. Многие специалисты признают амнистию очень важным инструментом, которым могут пользоваться государства на пути установления мира²¹, а порой просто «творить чудеса» на этом нелёгком пути²².

Амнистии не должны смешиваться с различными формами официального иммунитета, предоставляемого международным правом для глав государств и правительств, а также дипломатических представителей. Такие иммунитеты применимы, когда защищают должностных лиц одного государства от иностранной юрисдикции, в то же время не исключая вообще их ответственности за правонарушение (через специальные процедуры).

3. 0 классификации амнистий

Можно выделить следующие основные типы амнистий.

По своей сущности (наиболее общее деление) – безусловные (англ.: unconditional) и условные (англ.: conditional).

Безусловные (граничащие с амнезией, то есть полным прощением) или так называемые «слепые» (англ.: blanket amnesties) – это амнистии, охватывающие максимально широкую категорию лиц и преступлений, не выставляющие при этом практически никаких более или менее серьёзных условий для освобождения от ответственности для её «бенефициаров». По большому счёту, говорить

konstitutsionnogo-suda-ri-ot-05072001-n/ (дата обращения: 22.02.2019).

²⁰ См.: *Arsanjani M.* The International Criminal Court and National Amnesty Laws // *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*. Vol. 93. 1999. P. 65–68, 65. URL: https://www.jstor.org/stable/25659262?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 24.02.2019).

²¹ См.: *Schabas W.A.* Amnesty, The Sierra Leone Truth and Reconciliation Commission and the Special Court for Sierra Leone // *University of California Davis Journal of International Law and Policy*. Vol. 11. 2004. No. 1. P. 145–169; 145, 163–168; *Trumbull Ch. P., IV.* Giving Amnesties a Second Chance // *Berkeley Journal of International Law*. Vol. 25. 2007. No. 2. P. 283–345, 314.

²² См.: *Mallinder L.* Indemnity, Amnesty, Pardon and Prosecution Guidelines in South Africa: Working Paper No. 2 From Beyond Legalism: Amnesties, Transition and Conflict Transformation. Institute of Criminology and Criminal Justice, Queens University Belfast, February 2009. P. 79.

¹⁸ См.: *Encyclopedia of Transitional Justice*. Vol. 1 / ed. by L. Stan, N. Nedelsky. New York: Cambridge University Press, 2013. P. 10.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 года № 11-П. URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie->

о полностью безусловных/слепых амнистиях вообще нельзя, поскольку сложно представить полное «прощение грехов» всех, имеющих проблемы с законом. Скорее всего, эта категория остаётся чисто теоретической моделью, «экстремумом», недостижимым, да и ненужным на практике. Между тем пункт 5 «Комплекса мер по выполнению Минских соглашений 2015 года» предписывает, что власти Украины должны «обеспечить помилование и амнистию путём введения в силу закона, запрещающего преследование и наказание лиц в связи с событиями, имевшими место в отдельных районах Донецкой и Луганской областей»²³, не предусматривая при этом каких бы то ни было условий или ограничений для проведения такой амнистии.

В свою очередь, **условные** — это, скорее всего, подавляющее большинство амнистий. В литературе можно встретить ещё целый ряд названий этого типа амнистий: «подотчётные» (англ.: *accountable*)²⁴ или «умные» (англ.: *smart*)²⁵.

Бесспорно, что любая амнистия, независимо от причин её объявления и какой-либо красивой «упаковки», в какой она предлагается «клиентуре», в большей или меньшей степени подрывает достижение полного возмещения ущерба, нанесённого преступлениями (реституции), то есть цель, которую в нормальных условиях должно преследовать правосудие. В реальности суверенное право государств на предоставление амнистии было значительно подорвано развивающейся архитектурой международного уголовного права, исключающей из перечня законных механизмов полные амнистии, дарующие освобождение от ответственности за тяжкие преступления, судебного преследования за которые требует международное право.

Действительно «умные» амнистии — это особый тип амнистии, которые, не изменяя общему требованию подотчётности, в то же время направлены на облегчение перехода к миру и примирению. Соответственно, такие амнистии более эффективны, одновременно выполняя обязанности государства по удовлетворению законных требований жертв

преступлений на установление истины и возмещение ущерба, а также привлечение виновных к ответственности и, в определённых обстоятельствах, их раскаянию.

Примером таковой может служить амнистия, предусмотренная постановлением Государственной Думы РФ от 22 сентября 2006 года «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших преступления в период проведения контртеррористических операций на территориях субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа». В соответствии с ним в целях достижения гражданского мира и согласия не возбуждаются уголовные дела в отношении лиц, совершивших преступления в период проведения контртеррористических мероприятий на Северном Кавказе, если они отказались от участия в незаконных вооружённых формированиях и/или сдали оружие и военную технику. В свою очередь, начатые уголовные дела в отношении таких лиц подлежат прекращению, а те, кто отбывает наказание, должны быть освобождены. Аналогичные положения, за некоторым исключением, распространяются и на работников силовых структур России, совершивших преступления в ходе обеих чеченских кампаний.

По форме — амнистии прямые (англ.: *express*) или опосредованные (англ.: *implied*).

В случае прямой амнистии существует конкретный правовой акт (закон, постановление и т. п.), объявляющий амнистию и объясняющий её условия. Такие амнистии иногда называют собственно *de jure* амнистиями. Напротив, опосредованные (или *de facto*) амнистии имеют место тогда, когда как такового единого закона об амнистии нет, а вместо него принимается целый ряд законов, указов или правил, которые фактически предоставляют амнистию, в то же время не называя её таковой и зачастую не исключая при этом судебного преследования или гражданских исков в будущем. Так, например, амнистия может следовать из заключённого мирного соглашения, отказа государства от преследования отдельных лиц по определённым причинам или декриминализации определённых деяний, за чем следует освобождение лиц, уже осуждённых за их совершение.

По кругу лиц/территории — общие (англ.: *general*) или ограниченные (англ.: *limited*).

²³ Комплекс мер по выполнению Минских соглашений. URL: <https://www.osce.org/ru/cio/140221?download=true> (дата обращения: 20.09.2018).

²⁴ См.: *Slye R. C.* Op. cit. P.245–246.

²⁵ См., например: *Kushleyko A.*, Op. cit. P.33–34.

Несмотря на то что амнистия распространяется на неопределённый круг лиц, критерии для определения тех, кто под неё подпадает, должны быть чётко определены. Они могут быть различны: временной признак (конкретный период), территориальный признак (определённая территория), половой признак (мужчины/женщины), возрастной (малолетние, несовершеннолетние, старше 20 лет), конкретный вид или категория преступлений (например, только неумышленные преступления), вид соучастия (например, только пособники, но не организаторы и исполнители), размер и вид полученного или возможного наказания (до 5 лет лишения свободы) и т. д. Амнистии не могут предоставлять освобождения от ответственности за какое-либо будущее поведение, то есть выдача «ордера на убийство» незаконна. Иное, как отмечается в уже цитированном нами постановлении Конституционного Суда РФ, «провоцировало бы совершение преступлений и лишило бы их потенциальных жертв защиты»²⁶ (пункт 8).

По правовым последствиям — акт амнистии может освобождать от уголовной ответственности вообще, полностью или частично, снимать судимость.

Цели амнистий также могут различаться. Среди основных можно выделить следующие²⁷: 1) снижение напряжённости внутри страны; 2) для демонстрации желания прекращения конфликта и начала примирения; 3) в ответ на давление международного сообщества; 4) как дань уважения национальным, культурным, религиозным и иным традициям, памятным датам, праздникам и т. д.; 5) в репарационных целях; 6) для облегчения отправления правосудия или работы комиссий по примирению; 7) для защиты должностных лиц государства (англ.: *state agents*).

Этот последний вид амнистий зачастую представляет собой так называемые «самоамнистии» (англ.: *self-amnesty*), когда сами лица или учреждения, виновные в совершении преступлений, объявляют себе амнистию от судебного преследования, что часто случается накануне неизбежной потери ими власти. Один из ярких примеров этому — самоамнистии режима Пиночета.

4. 0 легитимности амнистий

В общем среди условий обеспечения легитимности амнистий мы выделили и сформулировали следующие:

1) *демократичность* — принятие решения об их применении и разработка соответствующих механизмов должны проходить с участием как правительственных структур, так и представителей общественности;

2) *законность* — амнистии должны соответствовать как национальному, так и международному праву;

3) *системность* — амнистии должны быть разработаны для облегчения перехода к демократическому режиму или являться частью механизма примирения общества более общего порядка. Амнистии не должны быть просто способом ухода от ответственности за совершённые преступления, а должны быть сконструированы таким образом, чтобы облегчать и дополнять механизмы правосудия и справедливости (в том числе внесудебные); амнистии не должны создавать дополнительных препятствий для доступа к правде о преступлениях для жертв и общества в целом;

4) *публичность* — предоставление открытых процедур и возможности доступа к данным о тех, кто получает амнистию (с соблюдением определённых формальностей, в том числе направленных на обеспечение личной безопасности последних);

5) *обеспечение прав жертв* — потерпевшим и иным заинтересованным сторонам должна быть предоставлена возможность внесения обоснованного протеста против амнистирования конкретных лиц, а также предоставлены конкретные репарации (возмещение нанесённого вреда, извинения и/или иные формы сатисфакции).

Как нам представляется, соблюдение этих условий может способствовать также эффективному установлению обстоятельств совершённых преступлений (в том числе обстоятельств, им способствовавших или к ним подталкивавших), более полному раскрытию правды, а равно предотвращению их повторения в будущем. В то же время «умные» амнистии вполне могут сочетаться с другими механизмами, такими как комиссии по установлению истины или программа репараций.

²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 года № 11-П.

²⁷ См.: Mallinder L. Exploring the Practice of States in Introducing Amnesties. P. 10–16.

5. Проблемные вопросы, связанные с амнистиями

а) Поможет амнистия прекращению конфликта или «подольёт масла в огонь»?

Амнистии в переходных обществах часто считаются политически целесообразным способом прекратить конфликт, загладить вину перед пострадавшими и компенсировать, пусть частично, утраты последних. Хотя амнистия может помочь в достижении таких краткосрочных целей, необходимо также подумать, как это повлияет на долгосрочный мир и стабильность, а также на общее примирение. В частности, при решении вопроса о включении амнистии в переходную программу её «архитекторам» желательно попытаться ответить на следующие вопросы: как жертвы преступлений относятся к амнистии? Означает ли она отказ от восстановления справедливости? Какое влияние она окажет на уважение народа к государственным институтам и упрочению верховенства права? Как это повлияет на способность обеспечить долгосрочную стабильность?

Амнистия действительно может сыграть важную роль в прекращении вооружённого противостояния и примирении. Однако вопрос в том, может ли ценой мира стать отказ от преследования лиц, ответственных за тяжкие преступления? Прекращение насилия, достигнутое путём «слепой», безусловной амнистии, скорее всего, только усилит ощущение безнаказанности и вседозволенности, но никоим образом не поспособствует восстановлению верховенства права и демократических институтов. Такие решения правительства неизменно подрывают уважение граждан к нему и порождают скептицизм по отношению к уважению права самим государством. Кроме того, предоставление такой амнистии в связи с тяжкими/особо опасными и жестокими преступлениями, несомненно, поднимет юридические проблемы на национальный или международный уровень.

б) Возможность объявления амнистии за преступления, нарушающие нормы международного права.

Известно, что правовые нормы *jus cogens* являются императивными нормами общего международного права, несоответствие кото-

рым делает договор ничтожным (в момент заключения). В Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года сказано: «Поскольку это касается настоящей Конвенции, императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признаётся международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер» (статья 53).

Если преступление относится к *jus cogens*, то от государств в первую очередь требуется не совершать его и никаким образом не действовать/участвовать в его совершении. В то же время в настоящее время не существует норм международного права, требующих от государств такого наказания за каждое совершённое преступление против международного права (относящихся к *jus cogens*). Хотя и можно утверждать, что государства заинтересованы в обеспечении соблюдения своих обязательств, но это отнюдь не означает автоматического возникновения необходимости преследования в судебном порядке каждого *jus cogens* преступления на национальном уровне. Даже несмотря на императивную сущность таких обязательств, сложно найти случаи, когда государства добровольно принимали бы на себя такую обязанность²⁸. По утверждению профессора Антонио Кассесе, которого вряд ли можно обвинить в отрыве от практики, «нельзя найти общий международный принцип, на который можно основательно полагаться для утверждения о том, что обязательство уголовного преследования международных преступлений прочно закрепилось в международном сообществе»²⁹.

Сложно с достаточной долей уверенности говорить о том, что поскольку обязанность государств наказывать за такие преступления не закреплена в международном праве, то недействительность амнистий за такие преступления не может быть «автоматической» и, аналогично, не должна иметь обязательного статуса. Даже отдельные специалисты, утверждающие, что нынешнее обычное междуна-

²⁸ См.: Naqvi Y. Impediments to Exercising Jurisdiction Over International Crimes. The Hague : TMC Asser Press, 2010. P. 140.

²⁹ Cassese A. International Criminal Law. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2003. P.302.

родное право налагает на государства обязательство преследовать в судебном порядке все основные преступления, совершённые в пределах их юрисдикции³⁰, допускают, что законы об амнистии должны скорее рассматриваться как исключение из этого обязательства, нежели как его нарушение³¹.

С другой стороны, в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах (*далее* — Пакт) при принятии решения о предоставлении амнистии государства обязаны принимать во внимание императивный характер отдельных международных преступлений, поскольку этим Пактом они обязаны также обеспечивать эффективные средства защиты (англ.: *effective remedy*), в том числе судебной, всем своим гражданам, чьи права и свободы были нарушены. Это, конечно, так, но в то же время означает ли это безоговорочный отъём у государств их естественного конституционного права объявлять амнистии и помилования за такие преступления? Ответ на этот вопрос вряд ли может быть однозначным. У государства есть и не может не быть обусловленного только внутренним (конституционным) законодательством права выбора средств обеспечения этой «эффективной защиты», где судебное преследование — лишь одна из возможных её форм.

Мы также согласны с мнением о том, что необходимо различать международные обязательства государств и их обязательства по отношению к своим гражданам, поскольку это категории из различных «правовых полей»³². Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года (статья 5), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года (статья 4) и Женевские конвенции 1949 года — все они, но каждая по-своему обязывают государства к исполнению своего национального законодательства, обеспечивая тем самым уголовное наказание лиц, ви-

новных в совершении преступлений, указанных в этих конвенциях³³. Если государство подписывается под конвенциями, но не выполняет возлагаемых ими обязательств, то это скорее проблема между государством и международным сообществом, а не его внутренняя. Таким образом, государство — участник Конвенции против геноцида, например, может инициировать разбирательство против другого участника конвенции в Международном Суде ООН.

Как мы отмечали выше, не существует *jus cogens* (абсолютной) нормы международного права, которая бы напрямую запрещала государствам объявлять амнистии даже за военные преступления. По мнению профессора Дугарта, «сейчас многие “великие проповедники общественного мнения” — [неправительственные организации] и учёные-теоретики — утверждают, что государства не просто обязаны преследовать преступников, но международное право обязывает их это делать... В результате получается, что международное право запрещает амнистии. Это озвучено и Судебной палатой Международного трибунала по бывшей Югославии в деле *Обвинитель против Фурунджия*, постановившей, что амнистии за пытки незаконны и недействительны и что они не получают международного признания. Однако весьма сомнительно, что международное право уже дошло до этого. По крайней мере, недавняя история полна примеров применения амнистий новыми правительствами государств в отношении должностных лиц предыдущих правительств (режимов), причастных к пыткам и преступлениям против гуманитарного права, вместо привлечения их к уголовной ответственности. Во многих таких случаях, например применительно к Южной Африке, даже ООН приветствовала принятое решение»³⁴.

Таким образом, представляется, что государствам нельзя отказать в праве в пределах своей юрисдикции, в соответствии с национальным законодательством, предоставлять амнистии за международные преступления, поскольку такие решения являются неотъем-

³⁰ См.: *Ferdinandusse W.N.* Direct Application of International Criminal Law in National Courts. The Hague : TMC Asser Press, 2006. P. 202.

³¹ См.: *Ibid.*

³² См.: *Karnavas M.G.* Amnesties and Pardons in International Criminal Law — Part II. URL: <http://michaelgkarnavas.net/blog/2016/07/22/amnesties-and-pardons-part-ii/> (дата обращения: 24.09.2018).

³³ См.: Женевская конвенция I. Ст. 49; Женевская конвенция II. Ст. 50; Женевская конвенция III. Ст. 129; Женевская конвенция IV. Ст. 146.

³⁴ *Dugard J.* Dealing with Crimes of a Past Regime. Is Amnesty Still an Option? // *Leiden Journal of International Law*. Vol. 12. 1999. No. 4. P. 1001—1016, 1002—1004.

лемой составляющей национального суверенитета. Кроме того, следует учитывать, что сами международные уголовные трибуналы в своих учредительных документах сохраняют определённые лазейки, косвенно способствующие возможности амнистирования лиц, подпадающих под их юрисдикцию. Так, анализируя Римский статут Международного уголовного суда (*далее* — МУС), австралийская исследовательница Я.Накви утверждает, что возможность амнистии может быть выведена из следующих положений статута: 1) на основании статьи 17(1)(b) определено, что дело не может быть принято к производству, если государство, в юрисдикции которого находится дело, принимает решение не преследовать обвиняемого; 2) на основании статьи 53(2)(с), в которой прокурору разрешается отказаться от возбуждения дела, если он пришёл к выводу, что «уголовное преследование не отвечает интересам правосудия с учётом всех обстоятельств»; 3) на основании статьи 16, в которой Совету Безопасности ООН предоставляется право отсрочить разбирательство; 4) согласно статье 15, в которой прокурору предоставляется возможность отказаться от преследования по собственной инициативе³⁵.

Показательно также, что если с 1945 года в мире было проведено более 500 амнистий, то после ратификации Римского статута — только девять: в Алжире, Бурунди, Демократической Республике Конго (трижды), Либереи, Мали и Зимбабве (дважды)³⁶.

в) Обязательность признания / непризнания амнистии.

Пожалуй, наиболее серьёзная правовая проблема, связанная с амнистиями, — это их признание (англ.: *binding character*) другими субъектами международного права. В докладе по поводу правосудия переходного периода (2004) Генеральный секретарь ООН озвучил такую позицию по данному вопросу: «...в мирных соглашениях, одобренных Организацией Объединённых Наций, не может преду-

считываться амнистия за геноцид, военные преступления, преступления против человечности или грубые нарушения прав человека»³⁷. Профессор У.Шабас высказал сожаление по этому поводу, справедливо (как нам кажется) утверждая, что если амнистия полезна в содействии установлению мира, то прекращение конфликта и примирение — это не менее значимые ценности, которые также должны найти своё место в законодательстве о правах человека³⁸. Более того, Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям активно подвигает правительства к самым широким амнистиям по окончании немеждународных вооружённых конфликтов³⁹.

С другой стороны, ООН далеко не постоянна в своей позиции по отношению к законам об амнистии. Доказательством этому служит, например, подписание 7 июля 1999 года в Ломе знаменитого мирного соглашения, прекратившего войну в Сьерра-Леоне⁴⁰. С тех пор как минимум 24 закона об амнистиях предоставили освобождение от уголовной ответственности за [международные] преступления⁴¹. Следовательно, логично будет оставить вопрос о признании или непризнании легитимности каждой конкретной амнистии на разрешение государств, в этом заинтересованных. Мы можем только сказать, что обязанности непризнания законов, освобождающих от ответственности международных преступников, в настоящее время не существует.

Однако не стоит забывать о существующей доктрине «универсальной юрисдикции» по отношению к международным преступлениям. В соответствии с ней и принципом *aut dedere aut iudicare* (лат.: выдай или суди) го-

³⁵ См.: *Накви Я.* Амнистия за военные преступления: возможность международного признания // Международный журнал Красного Креста : сб. ст. 2003. С. 293—345, 333—334.

³⁶ См.: *Lessa F., Olsen T. D., Payne L. A., Pereira G., Reiter A. G.* Persistent or Eroding Impunity? The Divergent Effects of Legal Challenges to Amnesty Laws for Past Human Rights Violations // *Israel Law Review*. Vol. 47. 2014. No. 1. P. 105—131, 108.

³⁷ Механизмы обеспечения верховенства права для постконфликтных государств: Амнистии.

³⁸ См.: *Schabas W. A.* Op. cit. P. 145, 165—168.

³⁹ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооружённых конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 года. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения: 20.09.2018). В статье 6.5 говорится: «По прекращении военных действий органы, находящиеся у власти, стремятся предоставить как можно более широкую амнистию лицам, участвовавшим в вооружённом конфликте, и лицам, лишённым свободы по причинам, связанным с вооружённым конфликтом, независимо от того, были ли они интернированы или задержаны».

⁴⁰ Полный текст на английском языке см.: URL: <http://www.sierra-leone.org/lomeaccord.html> (дата обращения: 27.09.2018).

⁴¹ См.: *Mallinder L.* Can Amnesties and International Justice Be Reconciled? P. 214.

сударства, на территории которых находится военный преступник, должны либо сами привлечь его к ответственности, либо выдать его другому заинтересованному государству. Поскольку амнистия внутри одной страны не является обязательной для признания другой страной, то понятно, что даже амнистированный преступник может быть привлечён к уголовной ответственности, находясь под юрисдикцией другого государства. Однако Франция, например, никогда не признавала обязательный характер универсальной юрисдикции, оставляя за собой право выбора привлечь к ответственности конкретное лицо или нет⁴². Такое право выбора также признаётся за другими государствами и даже международными трибуналами⁴³.

6. Оценка амнистий в деятельности международных юрисдикционных органов

Надо сказать, что международные юрисдикционные органы, представляющие различные региональные системы защиты прав человека, всегда крайне настороженно относились к возможности объявления амнистий. Так, Европейский Суд по правам человека (*далее* — ЕСПЧ) в своём постановлении по делу *Ассоциация 21 декабря 1989 года и другие против Румынии*, посвящённом амнистии бывших военнослужащих румынской армии, участвовавших в подавлении народного восстания против Н. Чаушеску, подчеркнул: «...как уже указывал ЕСПЧ, амнистия в целом несовместима с обязанностью государств расследовать и наказывать за пытку... и [с] борьбой против безнаказанности международных преступлений. То же касается помилования»⁴⁴ (§ 144).

Однако подлинной вехой в практике ЕСПЧ касательно амнистий стало постанов-

ление Большой Палаты по делу *Маргуш против Хорватии*⁴⁵. В своей жалобе бывший военнослужащий «Хорватского войска» в период Югославской войны 1991—1995 годов Ф. Маргуш обвинял национальные власти в нарушении ряда статей Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (*далее* — Конвенция) на том основании, что, вопреки Закону «О всеобщей амнистии» от 24 сентября 1996 года, он всё же был привлечён к уголовной ответственности за многочисленные преступления (убийство четырёх мирных жителей, нанесение телесных повреждений другим гражданам и материального ущерба ряду домовладений), которые он совершил в ходе противостояния 1991 года вскоре после падения Вуковара. Дав внушительный обзор практики применения амнистий едва ли не по всему миру, ЕСПЧ пришёл к доминантно-правовому выводу о том, что «применение амнистии в отношении убийства или жестокого обращения с гражданскими лицами само противоречит обязательствам государства в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции, поскольку оно препятствует расследованию таких деяний и обязательно создаст ситуацию безнаказанности виновных лиц»⁴⁶.

Кроме того, сославшись на опыт стран Латинской Америки и соответствующие судебные прецеденты, в частности *Гельман против Уругвая* и *Гомес Лунд и другие против Бразилии*, Суд отметил, что «возрастающей тенденцией в международном праве является неприятие подобного рода амнистий, поскольку они являются несовместимыми с общепринятыми обязательствами государств касательно уголовного преследования и наказания серьёзных нарушений основных прав человека»⁴⁷. Вместе с тем Суд подчеркнул, что амнистии могут соответствовать принципу законности только в чрезвычайно ограниченных обстоятельствах: в случае, если государство может доказать существование насущного интереса в их принятии для достижения мира и национального примирения⁴⁸.

Как уже стало ясно читателю, не стоит в стороне от оценки амнистий и Межамерикан-

⁴² См.: *Stern B.* La compétence universelle en France: le cas des crimes commis en ex-Yougoslavie et au Rwanda // *German Yearbook of International Law*. Vol. 40. 1997. P. 280—299, 289.

⁴³ См.: *Bennouna M.* Truth, Justice and Amnesty // *Man's Inhumanity to Man: Essays of International Law in Honour of Antonio Cassese* / ed. by L. C. Vohrah, F. Pocar, Y. Featherstone, O. Fourmy, Ch. Graham, J. Hocking, N. Robson. The Hague ; London ; New York : Kluwer Law International, 2003. P. 127—136, 135.

⁴⁴ Постановление ЕСПЧ от 24 мая 2011 года по делу *Ассоциация 21 декабря 1989 года против Румынии* // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 1. Спецвыпуск: Избранные постановления Европейского Суда. С. 77.

⁴⁵ ECtHR. *Marguš v. Croatia* [GC]. Application no. 4455/10. Judgment of 27 May 2014.

⁴⁶ Ibid. § 127.

⁴⁷ Ibid. § 139.

⁴⁸ См.: Ibid.

ский Суд по правам человека, который неоднократно дисквалифицировал амнистии, проводимые в различных странах иберийского региона. Так, в ряде случаев законы об амнистии принимались в условиях гражданских войн; в ряде случаев (например, в Перу, Аргентине) — с целью оградить исключительно представителей государства от уголовного преследования за политические преступления; в других случаях (Бразилия) — для защиты как лиц, действовавших от имени государства, так и членов противодействовавших им вооружённых групп. Последний подход навеян так называемой «теорией двух демонов», согласно которой, коль скоро обе стороны совершали преступления в ходе конфликта, то и подпадать под амнистию должны представители обоих враждующих лагерей⁴⁹. Как бы там ни было, во всех этих случаях позиция Межамериканского суда была однозначной — абсолютный запрет законодательства об амнистии как меры, обеспечивающей иммунитет от уголовного преследования за нарушения прав человека, гарантированных Американской конвенцией⁵⁰.

Впрочем, П. Хэйнер, глубокий знаток данной проблематики, приводит в своей новой книге «Парадокс миротворца» красноречивый пример, свидетельствующий об обратном. Когда в 2012 году норвежцы пригласили к себе на первый раунд мирных переговоров по Колумбии представителей леворадикальной группировки FARC, то многие из них находились в розыске по запросам США, Франции (за убийство французских граждан) и собственно Колумбии, а информация о них на протяжении многих лет накапливалась Интерполом. Между тем этот факт не помешал им беспрепятственно прибыть в Осло и сесть за стол переговоров с правительственными чиновниками и международными посредниками. Аналогичная ситуация сложилась с переговорами по урегулированию в Уганде в 2006—2008 годов, на которых присутствовал предводитель «Господней армии сопротивле-

ния» Дж. Кони, несмотря на то что МУС давным-давно выдал ордер на его арест⁵¹.

7. Национальный опыт проведения амнистий

Таким образом, одной из немногих стран, где в определённой степени и до определённых пределов сохраняется возможность амнистии за военные преступления, остаётся Колумбия. Между тем модель, предусмотренная в Картахенском мирном соглашении 2016 года, не имеет ничего общего с безнаказанностью. Так, бывшие бойцы FARC на следующий день после подписания договора начинают выдвижение к концентрационным зонам, где они должны располагаться после выхода из сельвы. Далее детально прописывается, в течение какого срока какие действия они должны предпринять. Например, в течение 5 дней после подписания договора — передать всю информацию об имеющемся у них оружии, через 10 дней — сообщить ООН обо всех складах оружия и боеприпасов, через 60 дней — уничтожить все мины, самодельные снаряды и т. д. В конечном итоге через 180 дней ООН должна вывести контейнеры с оружием из зон концентрации, которые к этому моменту перестанут существовать. И лишь после этого правительство Колумбии будет иметь право предоставить в парламент проект закона об амнистии, который будет распространяться на всех оставивших оружие, кроме тех, кто совершил военные преступления или преступления против человечности⁵².

В сентябре 2015 года был достигнут консенсус в отношении будущего осуждения военных преступников, которое в процессуальном плане должно лечь на плечи гибридного суда — национального трибунала с участием иностранных судей. При этом презюмировалось, что, несмотря на присутствие иностранцев в специальной системе «Правосудие ради мира», состоящей из 24 человек, последнее слово должно оставаться за колумбийскими судьями⁵³. Эта система уполномочена рас-

⁴⁹ См.: Азан П. Воздействие наказания и прощения: основы для оценки результативности правосудия переходного периода // Международный журнал Красного Креста. 2006. Т. 88. № 861. С. 21—56, 44.

⁵⁰ См.: Алдана Р. Исправляя ошибки прошлого и излечивая болезни настоящего: Гомес Лунд и другие против Бразилии // Международное правосудие. 2011. № 1 (1). С. 55—60, 59.

⁵¹ См.: Hayner P. The Peacemaker's Paradox. New York: Routledge, 2018. P. 27.

⁵² См.: Final agreement to end the armed conflict and build a stable and lasting peace in Colombia. URL: <http://especiales.presidencia.gov.co/Documents/20170620-dejacion-armas/acuerdos/acuerdo-final-ingles.pdf> (дата обращения: 07.03.2019).

⁵³ См.: Hayner P. Op. cit. P. 40, 41.

смотреть дела партизан, военных и гражданских участников преступлений. Все они должны добровольно признаться в их совершении, что повлечёт наказание в виде ограничения свободы на срок от 5 до 8 лет условно. Те, кто не признаются добровольно, станут объектом расследования, и в случае установления их вины им грозит наказание сроком до 20 лет. Те, кто признают вину, немедленно будут амнистированы и впоследствии могут быть приговорены лишь к общественно полезным работам на благо пострадавших⁵⁴.

Совсем недавно, 14 февраля 2019 года, перед этим судом предстал лидер FARC Р. Лондоньо, более известный как «Тимошенко», — такой позывной был дан ему в честь Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, сообщивший палате о своём участии в военных преступлениях. Он стал первым из 31 командира FARC высшего звена, которым предстоит дать показания перед гибридным трибуналом, дабы избежать тюремного заключения. Добавим к сказанному, что на сегодняшний день из семи тысяч бойцов этой группировки пяти тысячам уже была предоставлена амнистия благодаря указанной процедуре⁵⁵.

Среди амнистий, проведённых после падения военных диктатур и завершения «грязных войн», поразивших в 1960–1980-е годы практически весь Южный конус Латинской Америки, выделяется аргентинский случай. Это — хрестоматийный пример так называемой самоамнистии, подобно чилийской накануне ухода Пиночета, о чём мы уже упоминали. Однако показательно, как менялось её регулирование с течением времени, сменой лидеров и в особенности изменением национальной повестки, которая стояла перед аргентинским обществом в различные эпохи.

Когда в 1983 году деморализованные поражениями в Фолклендской войне и экономическим кризисом аргентинские генералы (Видела, Виола, Гальтери) покидали «Каса Роса-

да», то инициированная ими самоамнистия за преступления, совершённые в ходе так называемого «Процесса национальной реорганизации» 1976–1983 годов, была элементом «пакта элит» и выступала едва ли не важнейшей предпосылкой передачи власти правительству Р. Альфонсина, без которой демократический переход был немислим. Как не без иронии заметил по этому поводу В. Садурский, «тех, с кем только что успешно обсуждались условия переходного периода, в тюрьму не сажают»⁵⁶. Однако минимально упрочив свою власть, Р. Альфонсин всё же решил обратиться к исследованию «тёмных страниц» правления военной хунты.

Сперва им были инициированы подготовка под руководством известного писателя Э. Сабато доклада «Больше никогда!» (исп.: *Nunca Mas!*) и создание Национальной комиссии по исчезновению лиц (CONADEP). Обнародование в ноябре 1984 года результатов деятельности комиссии, воплощённых в указанном докладе, вызвало настоящий фурор в аргентинском обществе. Впервые была названа официальная цифра пропавших без вести оппозиционных профсоюзных лидеров, левых активистов и студентов — 9 тысяч человек (сейчас цифра увеличилась до 30 тысяч). В свою очередь, этот доклад подготовил юридическую и психологическую почву для судебного преследования лидеров аргентинской хунты, которое началось в апреле следующего года. В конце того же года 9 представителей бывшего руководства были приговорены к различным срокам заключения. Однако всё увеличивающееся противодействие политике Р. Альфонсина со стороны военных заставило его пойти на уступки, результатом которых стали две амнистии — Закон о полном прекращении преследования (декабрь 1986 года) и Закон о вынужденном подчинении (июнь 1987 года). Результатом проведённых амнистий стало то, что из 1 195 военнослужащих высшего и среднего звена, подлежащих уголовной ответственности, 730 были освобождены в силу первого закона, 379 — в силу второго закона и в отношении 43 подсудимых Верховным Судом Аргентины было прекращено разбирательство. В 1991 году

⁵⁴ См.: Final agreement to end the armed conflict and build a stable and lasting peace in Colombia. URL: <http://especiales.presidencia.gov.co/Documents/20170620-dejacion-armas/acuerdos/acuerdo-final-ingles.pdf> (дата обращения: 22.02.2019).

⁵⁵ См.: FARC leader Timochenko first to testify before Colombia's war crimes tribunal. URL: <https://colombiareports.com/farc-leader-timochenko-first-to-testify-before-colombias-war-crimes-tribunal/?fbclid=IwAR3ScGQNwjjwXhXrKqXWLS0A9BcipgsyFwzmOxAuBxdyCN-6Tp7JKcOxhc> (дата обращения: 22.02.2019).

⁵⁶ Садурский В. Конституционализм переходного периода *versus* верховенство права? // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3 (112). С. 13–28, 20.

пришедший к власти новый Президент К. Менем, ища поддержки в армии, провел ещё 2 амнистии для военнослужащих⁵⁷.

И вот здесь поразительно, как общество, во всяком случае активная его часть, начинает искать способы добиться от государства справедливости. Одним из таких способов становятся так называемые «суды правды». Лишённые законами об амнистии возможности привлекать виновных к полноценной уголовной ответственности в суде, родственники исчезнувших апеллировали к «праву на правду» как одному из прав человека, то есть праву знать, что случилось с их близкими. Отдельные судьи, сочувствовавшие истцам, принимали такие иски к производству, и эти процессы оказались ещё одним способом получения информации о преступлениях хунты: судьи пользовались правом вызывать и допрашивать свидетелей, обязывать вооружённые силы предоставлять засекреченные данные, а сами военные, не опасаясь в силу амнистии уголовного преследования, оказались готовы рассказать то, о чём раньше молчали⁵⁸. В литературе по переходному правосудию этот феномен получил название «эффекта Силинго» — оглашение в зале суда уличающих власть эпизодов, о которых все знали, но не смели открыто говорить. Но после того, как завеса молчания была прорвана, подобного рода признания стали нарастать лавинообразно⁵⁹.

В то же время уже в 1998 году было прекращено фактическое действие первых двух законов об амнистии, принятых в период правления Р.Альфонсина, а в 2003 году к власти пришёл новый Президент — Н. Киршнер. Под его влиянием в 2005 и 2007 годах Верховный суд признал законы об амнистии, принятые при Менеме, неконституционными, причём в 2005 году Верховный суд сформулировал так называемое «правило Кавалло», согласно которому подлежат возобновлению

все уголовные дела, прекращённые в силу принятия законов об амнистии. Как видим, круг замкнулся. На сегодняшний день около 1500 военнослужащих, вовлечённых в деятельность хунты, участвуют в судебных процессах различного уровня.

Однако не стоит думать, будто бы амнистии — исключительно продукт «третьей волны» демократизации и энтузиазма «эпохи подотчётности» конца 1980-х — начала 1990-х годов. Совсем нет. Этот механизм широко использовался задолго до того, как в мировом юридическом словаре появилось словосочетание «транзитивное правосудие». Так, после победоносного завершения Второй мировой войны процессы амнистии по отношению к военным преступникам и их коллаборантам проходили как в государстве — участнике антигитлеровской коалиции (Франции), та и в поверженной державе (Германии). Например, во Франции первый закон об амнистии был принят 5 января 1951 года большинством в 327 голосов членов Национального собрания против 263. Данный закон гарантировал амнистию всем, кто в период существования «Республики Виши» совершил преступления, которые по французскому законодательству карались поражением в гражданских правах или тюремным заключением на срок менее 15 лет. Также под амнистию попадали те, кто был насильственно мобилизован, не достиг 21 года, а также те, кто уже отбыл большую часть наказания. Второй закон об амнистии был принят 24 июля 1953 года большинством в 394 голоса против 212. Его результаты не заставили себя долго ждать: если в 1945 году за сотрудничество с гитлеровским режимом в тюрьмах находилось около 40 тысяч французов, то уже к 1956 году — всего 62 человека⁶⁰.

В Германии 17 июля 1954 года правительство К. Аденауэра провело через бундестаг закон об амнистии, распространявшийся на «преступления, совершённые в период с 1 октября 1944 года по 31 июля 1945 года, то есть в условиях чрезвычайных обстоятельств в связи с необходимостью выполнять приказ»⁶¹. Таким образом, законодатель наме-

⁵⁷ Подробнее см.: *Engstrom P., Pereira G.* From Amnesty to Accountability: the Ebb and Flow in the Search for Justice in Argentina // *Amnesty in the Age of Human Rights Accountability* / ed. by F. Lessa, L. A. Payne. New York : Cambridge University Press, 2012. P.97—122.

⁵⁸ См.: *Горин Д., Эппле Н.* Будущее прошлого // *Общая тетрадь*. 2018. № 1—2. С. 5—17, 12.

⁵⁹ *Неаева Г.* Рассмотрение «преступлений против человечности» национальными судами: проблемы, дискуссии, противоречия // *Международное правосудие*. 2017. № 1 (21). С. 122—133, 130.

⁶⁰ См.: *Rouso H.* The Vichy Syndrome. Cambridge : Harvard University Press, 1994. P.51—54.

⁶¹ *Ледях И. А.* Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ. М. : Юрид. лит., 1973. С. 90.

ренно отменил уголовное наказание за наиболее бессмысленные по своей жестокости преступления, зверский характер которых был усугублён агонией военного поражения и неудавшимся покушением на А. Гитлера в 1944 году.

Подытоживая вышесказанное, уместно будет упомянуть известную библейскую притчу о хозяине и виноградарях (Мф. 20:1-16). В ней хозяин, выйдя поутру, нанял подёнщиков, договорившись заплатить каждому по динарию. Всем другим, нанятым позже, даже тем, кто был нанят всего на час, он обещал заплатить столько же. Плата вечером была выдана всем, с последних до первых. Пришедшие же первыми думали, что они получат больше, так как работали гораздо больше, но получили и они по динарию. На их возмущение хозяин ответил: «Друг! Я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми своё и пойдёшь... Или глаз твой завистлив оттого, что я добр? Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных».

Вспомнили мы это к тому, что рамки справедливости, вокруг которой разгорается весь «сыр-бор», связанный с амнистиями, достаточно подвижны, подобно «окнам Овертона». Что кажется несправедливым для одних, может казаться более чем справедливым для других, — вопрос в том, чьи интересы ставятся во главу угла. Абсолютно необходимым для успешных амнистий в переходные периоды представляется нахождение баланса между государственными интересами, где установление мира должно, видимо, преобладать, и интересами жертв преступлений, где господствует индивидуализированный подход; также очень важны механизмы по достижению такого баланса. В этом подспорьем может оказаться и опыт уже прошедших процессов примирения с использованием амнистий, некоторые из которых мы рассмотрели выше.

Библиографическое описание:

Антонов А., Евсеев А. Амнистии в механизме переходного правосудия // Международное правосудие. 2019. № 1 (29). С. 118–133.

Amnesties in the mechanism of transitional justice

Andrey Antonov

Candidate of Sciences (Ph. D.) in Law, Chief, Conduct and Discipline Service, UN Mission in Kosovo. Pristina, Republic of Serbia (e-mail: deuce75rus@mail.ru).

Oleksandr Yevsieiev

Candidate of Sciences (Ph. D.) in Law, Associate Professor, Higher School of Economics. Moscow, Russia (e-mail: apevseyev@gmail.com).

Abstract

Based on examples and previous studies, this article attempts to holistically comprehend amnesties as a tool of achieving national reconciliation following internal conflicts (civil wars, coups d'état, etc.), and their positive and negative impacts on post-conflict state and society. Based on this evidence, the authors propose general solutions to conceptual problems related to the compliance of amnesties with the requirements of international law. A distinction is drawn between such amnesties, pardons, and general amnesties, whereas the authors also offer a classification of amnesties based on various criteria, including *ratione temporis*, *ratione loci*, and *ratione personae*. This article further provides a detailed analysis of the amnesties conducted in Hispanic countries during the so-called "third wave" of democratization. In this respect, the concept of "self-amnesties", widely used in Latin American countries during the transition to democratic rule, is criticized as contradicting the very purpose of this institution. An attempt is made to construct some universal principles, with which the amnesties should comply regardless of the regional specifics. At the same time, attention is paid to the extremely cautious approach applied by human rights juridical mechanisms when they express their opinions on the legality of amnesties appearing in recent years in many parts of the world. This acknowledges the rejection of post-conflict amnesties as an increasing trend in international law, as such amnesties are perceived as incompatible with the generally accepted positive obligations of the state regarding criminal prosecution and punishment for war crimes and other serious crimes contrary to the commonly accepted norms of international law, including serious human rights violations. The article further discusses the position of the European Court of Human Rights, which emphasized that amnesties can in principle be acceptable only in very limited circumstances, such as if a state can substantiate that it is pursuing a vital interest through amnesty—namely peace and national reconciliation. Other international judicial bodies, particularly the Inter-American Court of Human Rights, also do not stand aside from the assessment of amnesties. This article provides critical analysis of some decisions of the Inter-American Court that related to amnesties in certain Latin American countries. The authors conclude that, being closely related to the overall concept of justice, amnesties inevitably cause conflicting feelings. It is vital for successful amnesties in particular circumstances to strike an optimal balance between state interests and the interests of victims.

Keywords

transitional justice; amnesty; pardon; post-conflict settlement; war crimes; national reconciliation; impunity; accountability.

Citation

Antonov A., Yevsieiev O. (2019) Amnistii v mekhanizme perekhodnogo pravosudiya [Amnesties in the mechanism of transitional justice]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 9, no. 1, pp. 118–133. (In Russian).

References

- Aldana R. (2011) *Ispravlyaya oshibki proshlogo i izlechivaya bolezni nas-toyashchego: Gomes Lund i drugie protiv Brazili* [Correcting the mistakes of the past and healing the wounds of the present: *Gomes Lund and others v. Brazil*]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 1, no. 1, pp. 55–60. (In Russian).
- Alvarez J. E. (2009) Alternatives to International Criminal Justice. In: Cassese A. (ed.) *The Oxford Companion to International Criminal Justice*, Oxford; New York: Oxford University Press, pp. 25–40.
- Arsanjani M. (1999) The International Criminal Court and National Amnesty Laws. *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, vol. 93, 1999, pp. 65–68.
- Azan P. (2006) Vozdeystvie nakazaniya i proshcheniya: osnovy dlya otsenki rezul'tativnosti pravosudiya perekhodnogo perioda [The influence of punishment and forgiveness: the basics for evaluating the effectiveness of transitional justice]. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta*, vol. 88, no. 861, pp. 21–56. (In Russian).
- Bennouna M. (2003) Truth, Justice and Amnesty. In: Vohrah L. C., Pocar F., Featherstone Y., Fourmy O., Graham Ch., Hocking J., Robson N. *Man's Inhumanity to Man: Essays of International Law in Honour of Antonio Cassese*, The Hague; London; New York: Kluwer Law International, pp. 127–136.
- Cassese A. (2003) *International Criminal Law*, Oxford; New York: Oxford University Press.
- Dugard J. (1999) Dealing with Crimes of a Past Regime. Is Amnesty Still an Option? *Leiden Journal of International Law*, vol. 12, no. 4, pp. 1001–1016.
- Engstrom P., Pereira G. (2012) From Amnesty to Accountability: the Ebb and Flow in the Search for Justice in Argentina. In: Lessa F., Payne L. (eds.) *Amnesty in the Age of Human Rights Accountability*, New York: Cambridge University Press, pp. 97–122.
- Ferdinandusse W. N. (2006) Direct Application of International Criminal Law in National Courts, The Hague: TMC Asser Press.
- Garner B. A. (ed.) (2000) *Blacks Law Dictionary*, abridged 7th ed., St. Paul, MN: West Group.
- Gorin D., Eppele N. (2018) Budushchee proshlogo [Future of past]. *Obshchaya tetrad'*, no. 1–2, pp. 5–17. (In Russian).
- Hayner P. (2018) *The Peacemaker's Paradox*, New York: Routledge.
- Karnavas M. G. *Amnesties and Pardons in International Criminal Law – Part II*. URL: <http://michaeltkarnavas.net/blog/2016/07/22/amnesties-and-pardons-part-ii/> (accessed: 24.09.2018).
- Kormilets A. A., Porshakov S. A. (1987) Krizis dvukhpartynoy sistemy SShA nakanune i v gody Grazhdanskoy voyny (konets 1840–kh – 1865 gg.) [The crisis of the bipartisan system of the United States before and during the Civil War (the end of the 1840s to 1865)], Moscow: Izdatel'stvo MGU. (In Russian).
- Kushleyko A. (2015) Accountability v. “Smart Amnesty” in the Transitional Post-Conflict Quest for Peace: A South African Case. In: Szablewska N., Bachmann S.-D. (eds.) *Current Issues in Transitional Justice: Towards a More Holistic Approach*, Cham: Springer, pp. 31–54.
- Ledyakh I. A. (1973) *Natsistskie prestupniki i sudebnaya praktika v FRG* [Nazi criminals and judicial practice in FRG], Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russian).
- Lessa F., Olsen T. D., Payne L. A., Pereira G., Reiter A. G. (2014) Persistent or Eroding Impunity? The Divergent Effects of Legal Challenges to Amnesty Laws for Past Human Rights Violations. *Israel Law Review*, vol. 47, no. 1, pp. 105–131.
- Mallinder L. (2007) Can Amnesties and International Justice Be Reconciled? *The International Journal of Transitional Justice*, vol. 1, no. 2, pp. 208–230.
- Mallinder L. (2008) *Exploring the Practice of States in Introducing Amnesties*. Available at: URL: http://uir.ulster.ac.uk/2265/1/Mallinder_-_Nuremberg_chapter_June_20081.pdf (accessed: 20.09.2018).
- Mallinder L. (2009) *Indemnity, Amnesty, Pardon and Prosecution Guidelines in South Africa: Working Paper no. 2 Beyond Legalism: Amnesties, Transition and Conflict Transformation*, 79 Institute of Criminology and Criminal Justice, Queens University, Belfast.
- Mamdany M. (2015) Beyond Nuremberg: Learning from the Post-Apartheid Transition in South Africa. *Makerere Institute of Social Research, Policy Brief*, no. 1, October. Available at: URL: <https://idl-bnc-idrc.dspacedirect.org/bitstream/handle/10625/55811/IDL-55811.pdf> (accessed: 24.09.2018).
- Naqvi Y. (2003) Amnistiya za voennye prestupleniya: vozmozhnost' mezhdunarodnogo priznaniya [Amnesty for military crimes: the opportunity of international recognition]. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta*, pp. 293–345. (In Russian).
- Naqvi Y. (2010) *Impediments to Exercising Jurisdiction Over International Crimes*, The Hague: TMC Asser Press.
- Nelaeva G. (2017) Rassmotrenie «prestupleniy protiv chelovechnosti» natsional'nymi sudami: problemy, diskussii, protivorechiya [“Crimes against Humanity” in the case law of domestic courts: problems, dilemmas, controversies] *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 7, no. 1, pp. 122–133. (In Russian).
- O'Shea A. (2002) *Amnesty for Crime in International Law and Practice*, The Hague; London; New York: Kluwer International Law.
- Office of the UN High Commissioner on Human Rights (2009) *Mekhanizmy obespecheniya verkhovenstva prava dlya postkonfliktnykh gosudarstv: Amnistii* [The mechanisms of improving of the rule of law for post-conflict states: Amnesties], New York; Geneva: UN. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/Amnesties_ru.pdf (accessed: 20.09.2018). (In Russian).
- Rouso H. (1994) *The Vichy Syndrome*, Cambridge: Harvard University Press.
- Sadurskiy V. (2016) Konstitutsionalizm perekhodnogo perioda versus verkhovenstvo prava? [Constitutionalism of the transitional period versus the rule of law?]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 25, no. 3, pp. 13–28. (In Russian).
- Schabas W. A. (2004) Amnesty, The Sierra Leone Truth and Reconciliation Commission and the Special Court for Sierra Leone. *University of California Davis Journal of International Law and Policy*, vol. 11, no. 1, pp. 145–169.
- Slye R. C. (2002) The Legitimacy of Amnesties Under International Law and General Principles of Anglo-American Law: Is a Legitimate Amnesty Possible? *Virginia Journal of International Law*, vol. 43, no. 1, pp. 173–247.
- Stan L., Nedelsky N. (eds.) (2013) *Encyclopedia of Transitional Justice. Vol. 1*, New York: Cambridge University Press, pp. 10–12.
- Stern B. (1997) La compétence universelle en France: le cas des crimes commis en ex-Yougoslavie et au Rwanda. *German Yearbook of International Law*, vol. 40, pp. 280–299.
- Trumbull Ch. P., IV (2007) Giving Amnesties a Second Chance. *Berkeley Journal of International Law*, vol. 25, no. 2, pp. 283–345.
- Wolff C. (1764) *Jus gentium methodo scientifica pertractatum*. Francofurti, Et Lipsiae, Ære Societatis Venetæ. Available at: URL: <https://books.google.com/books?id=66NyK2b5XTQC&pg=PA355#v=onepage&q&f=false> (accessed: 08.03.2019).